

The background of the entire cover is an impressionistic painting. It depicts a woman's face and shoulders. The face is in the upper right, with soft, visible brushstrokes in shades of pink, red, and white. Her lips are painted in a vibrant red. Her shoulders and upper chest are visible, with a mix of warm and cool colors like yellow, green, and blue. The overall style is loose and painterly, with a focus on color and light rather than sharp detail.

Сабин
Мельхиор-
Бонне

*Энциклопедия
легкомыслия*

ТОНКОЕ ИСКУССТВО
НЕ ПРИНИМАТЬ
ЖИЗНЬ ВСЕРЬЕЗ

Перевод Анны Жигаловой

Сабин Мельхиор-Бонне
Энциклопедия легкомыслия.
Тонкое искусство не
принимать жизнь всерьез
Серия «Библиотека повседневности»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74065812

*Энциклопедия легкомыслия. Тонкое искусство не принимать жизнь
всерьез: Москва; 2026
ISBN 978-5-389-33361-1*

Аннотация

Яркие одежды, искрающийся смех, мимолетная красота и нескончаемая погоня за сиюминутным удовольствием – каждому из нас знакомо легкомыслие. Осуждаемое и воспеваемое, оно было верным спутником человека от Античности до наших дней. Католическая церковь видела в нем тяжкий грех, отвлекающий от мыслей о спасении, а великие философы – Вольтер, Монтень – божественный дар, спасающий от страха и отчаяния. Наконец, оттенок легкомыслия отличает, пожалуй, каждую икону стиля, которую мы почитаем по сей день, от Твигги до Брижит Бардо.

Погрузившись в галантные празднества XVIII века, вы узнаете, как аристократия возвела легкомыслие в ранг искусства жизни, а живопись Ватто и Фрагонара воспела его чувственную сторону.

Почему оно традиционно считалось «женской» чертой и как с ним боролась революционная мораль? Влиятельный историк эмоций и повседневности Сабин Мельхиор-Бонне мастерски показывает, как жажда игры, изящества и кокетства не только пережила войны и революции, но и стала неотъемлемой частью современного мира, где царит культ потребления и сиюминутного удовольствия. Это глубокое исследование о том, как человечество училось балансировать между тщетой бытия и жаждой счастья, – и о том, как отстаивать свое личное право на маленькие радости.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	8
Легкомысленный пол: обвинение длиной в тысячелетие	14
Женщина в зеркале	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сабин Мельхиор-Бонне Энциклопедия легкомыслия. Тонкое искусство не принимать жизнь всерьез

Sabine Melchior-Bonnet

UNE HISTOIRE DE LA FRIVOLITÉ

© Armand Colin 2013, Malakoff ARMAND COLIN is a trademark of DUNOD Editeur – 11, rue Paul Bert – 92240 MALAKOFF

© Жигалова А. В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

Введение

Римская фреска I века. «Марс и Венера». Помпеи, Неа-

Как у стрекозы из басни, репутация у легкомыслия¹ очень хорошая. Но как его определить? По своей природе оно многогранно и изменчиво: термин то обозначает легкомысленного и беспечного человека, то напоминает ненужный предмет, бесполезный аксессуар – так в XIX веке называли небольшое изделие из кружева², которым дамы украшали свои наряды, а саму работу носили в ридикюлях, чтобы руки всегда были заняты. Легкомыслие почти всегда двойственно и неоднозначно. С его помощью можно на лету поймать минутку удовольствия, но также оно ассоциируется с пустотой, ветреностью и непостоянством. Из-за отсутствия стабильной точки отсчета легче сказать, чем оно не является; серьезность, польза, расчетливый ум не могут с ним соседствовать.

Это слово появилось во французском языке довольно незаметно: латинский термин *frivola* изначально значил «разбитые глиняные тарелки», то есть посуду, не представляющую ценности. В некоторых древних текстах его значение расширялось до «мелочей» или «недорогих небольших предметов мебели». Заполнять пространство или время мелочами – такова роль пустяков, которые в французском языке и назывались *frivolités*, а в XVI веке использовали термин

¹ В оригинале *frivolité* (в т. ч. «фривольность»). – Здесь и далее – *прим. пер.*

² Речь о фриволите – технике плетения кружева.

frivoleries. Этимологи прослеживают происхождение слова *frivola* от того же латинского корня, что и *friare* – «измельчать, дробить». Но само существительное практически не использовалось до зарождения христианства в Римской империи; вместо *frivolitas* в латыни предпочитали термин *levitas* (непостоянство, несерьезность) для обозначения того, что мы сейчас называем легкомыслием. Зато другой термин, появившийся в «Дигестах» Юстиниана, стал довольно популярным: *frivusculum* – мимолетная ссора между супругами, которая была противоположностью *divortium* (разводу)!

Термин *frivole* закрепился в латинском языке благодаря христианским авторам, которые так описывали некоторые недостатки души. Однако легкомыслие – не смертный грех; оно лишь отчасти связано с грехами гордыни и лени. Легкомыслие – сама легкость, незаметно, «на цыпочках», проникающая в жизнь человека. Как говорил философ Ален в «Сердечных приключениях» (*Les Aventures du cœur*), оно похоже на «легкую завесу», отделяющую людские чувства и страсти, чтобы избавить их от тяжести. Кто бы стал его опасаться? В легкомыслии есть что-то игривое, безобидное, даже несерьезное; оно придает остроту повседневной жизни, борясь с унылой серьезностью и скукой. Оно живет моментом, не обременяя себя прошлым и не делая ставку на будущее; отказывается от уроков жизни и воздерживается от любых обязательств; поэтому естественный возраст легкомыслия – это детство без прошлого или старость без будущего.

«Я живу в основном легкомыслием, которое приходит на помощь, когда жизнь длинна», – утверждала Коlette в «Вечерней звезде» (1947). Оно дробит течение времени, лишая его длительности.

В противовес идеологии труда легкомыслие превозносит искусство ничего не принимать всерьез. Оно соседствует с изворотливостью или подчиняется капризу и старается ухватить удачную возможность. Но при этом оно не оставляет следов, «подобно шагу в танце, который стирает предыдущий». Маркиз де Сент-Олер, которого цитировал Максим Дюкан («Париж, его органы, отправления и жизнь во второй половине XIX века», 1875), определял его так: «Легкомыслие – это не столько отвращение к серьезным вещам, сколько склонность к развлечениям». Это определение можно перевернуть: тогда легкомыслие надевает личину серьезности и возвышает то, что является лишь пустяком; это образ жизни, который можно также выражать с помощью стиля или эстетики. Наше общество, погрязшее в безудержном консьюмеризме, придумало множество слов для описания *homo frivolus* – разновидности *homo ludens*³, о котором невозможно сказать, хорош он или плох, искренен или лжив. Такой человек довольствуется внешним и легко смеется над всем: ему нужно порхать, флиртовать, лавировать, уходить от темы.

В период Старого режима легкомысленность была прису-

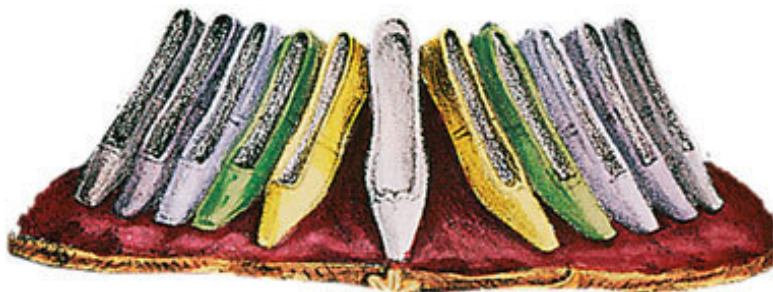
³ «Человек играющий».

ща праздным и богатым аристократам. У них была репутация людей, бесконечно наслаждающихся различными видами досуга. А если такой человек решал заняться каким-то делом, то выполнял его по-дилетантски. Труд не поощрял легкомыслие: в деревне тяжелая крестьянская доля не оставляла места расточительству; конечно, во время ритуальных праздников люди могли отдохнуть вместе, но это время было ограничено и регламентировано. Возможности для проявления инициативы и беззаботности совсем не оставалось, или же такой шанс выпадал редко. Труд наполнял всю жизнь рабочего класса, который в XIX веке откроет для себя право на отдых и развлечения, но долгое время будет бояться бесполезно проведенного времени. Ницше скажет, что отдых требует «сверхусилия»: «Чрезмерными усилиями они добиваются для себя лишнего досуга, а потом не знают, что с ним делать, кроме как отсчитывать часы, покуда те не выйдут до конца⁴» («Смешанные мнения и изречения», 1878). Чтобы быть легкомысленным, нужен особый талант!

Церковь, моралисты и философы на протяжении веков комментировали вопрос легкомыслия. Одни осуждали его, потому что легкомысленный человек забывает о предназначении души и необходимости спасения. Философы же реабилитировали его, потому что в конце концов, будь человек легкомысленным или серьезным, ему все равно придется умереть: «К черту серьезные речи, ведь они не спасут меня

⁴ Перевод В. М. Бакуева.

от смерти», – восклицал Ален, выступая в защиту легкомыслия. Он был адвокатом дьявола! Священнослужители видели в легкомыслии тень Сатаны, соблазнителя, но все признавали, что эта невыносимая легкость бытия – часть человеческой природы. А потому к ней нужно отнестись с определенной снисходительностью – в литературе легкомыслие, на которое авторы смотрели как на желанное искусство жить, часто восхвалялось.

Легкомысленный пол: обвинение длиной в тысячелетие

*Самая добродетельная женщина не что иное,
как утонченная кокетка⁵.*

*Ретиф де ла Бретон. «Совращенный поселянин»,
1775 год*

⁵ Перевод Е. А. Гунста.

Джованни Беллини. «Обнаженная молодая женщина с

зеркалом», 1515 год. Музей истории искусств, Вена

Как веками повторяли моралисты, у женщин в голове ветер; порой они бывают злыми, но чаще всего – беспечными, поверхностными и непоследовательными: они – само воплощение легкомыслия. Существует множество французских пословиц и остроумных высказываний, осуждающих их легкомыслие: «Женщина как птичка-флюгер, который постоянно вертится и меняется», «Женщины непостоянны, и удержать их труднее, чем пойманного угря», «Женский пол непостоянен по своей природе», «Женщина переменчива, а тот, кто ей доверится, глуп», «И поскольку их легкомысленный ум и изменчивые настроения обычно доставляют много хлопот исповедникам, одна из лучших мер предосторожности – воспитание душ мужей», «Своенравный дух», «Женщинам в голову взбредает то одно, то другое», «Женщина – такое животное, которое не бывает ни уверенным, ни постоянным».

Несерьезные, любопытные, переменчивые, кокетливые, тщеславные, игривые, болтливые, непредсказуемые... Эти регулярно повторяющиеся прилагательные – лишь краткий перечень из не самых худших эпитетов в антифеминистском словаре. С периода Средневековья ими пестрели проповеди священников, речи теологов, пословицы и почти все литературные произведения. Однако прилагательное *frivole*, согласно употреблению в латинском языке, обозначало не

столько женское настроение или характер, сколько дамские украшения, эти бесполезные пустышки, которые женщины беспрестанно собирали, повинуюсь моде. Но идея укоренилась: женщины суетны и поверхностны, а значит, легкомысленны. Двойные стандарты: мизогинный дискурс умалчивал об изысканном мужском кокетстве, которое было присуще элегантным мужчинам всех эпох, от «миньонов» Генриха III до денди XIX века, включая щеголей века XVIII. Тем не менее в остром средневековом языке нашлось точное слово для описания легкомыслия, характерного для мужчин, – *frivoleur*. Так называли мужчин, которые болтают чепуху, чтобы ухаживать за дамами («Словарь старофранцузского языка». *Dictionnaire de l'ancienne langue française*). Да и как тут избежать ассоциации легкомыслия с ветреником!⁶

⁶ Во французском термине *frivoleur* можно увидеть корни слов *frivolité* («легкомыслие») и *volage* («ветреный»).

Женщина в зеркале

Женщина, любующаяся собой в зеркале, на протяжении веков оставалась символом легкомыслия. Привязаться к красоте, которая длится лишь несколько весен, — что может быть более поверхностным? Женщиной манипулировал дьявол: однажды сказав, что она красива, зеркало может повторять по сто раз, но хозяйка никогда не устанет от этих слов. Смена платья, новый дамский гарнитур, процесс макияжа — все это полностью отвлекало от занятий делами вне дома и делало женщину легкой добычей для всевозможных искушений. В трактате «Книга поучений дочерям», написанном рыцарем де Ла Тур Ландри в XIV веке, который стал очень популярен в следующем столетии, рассказывалось о молодой даме, которая «тратила четверть дня на то, чтобы выйти в свет; все ждали ее, говоря: почему же эта дама никогда к выходу заранее не причесывается и не смотрит в зеркало?» Кокетка, которая прихорашивалась и надевала украшения, не замечала, как летит время, пока дьявол подкарауливал ее душу; туалет, по природе сатанинский, служил приманкой для мужчин. Этот топос средневековой литературы, распространенный по всей Европе, с некоторыми вариациями стал повторяться в XV веке. За зеркалом скрывался дьявол, но порой его заменяло пухлое личико ангелочка. Художник Пизанелло написал даму, держащую в левой руке зеркало, а в это

время за ней подглядывал второй персонаж, стоящий за спиной. На изображениях XVI века красавице грозили смерть или песочные часы: легкомысленная девушка не замечала, как утекает время, и ее ждала могила. Этот образ настолько укоренился, что даже в «Капричос» Гойи (1808) осталась старуха, смотрящаяся в зеркало: героиня *Nasta la muerte* – кокетка до самой смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.